

Исчезаетъ мелкое, злое, ничтожное, и гордо и сильно возносится къ небесамъ то великое, свѣтлое, всепобѣждающее, всепрощающее, всеочищающее, имя которому любовь, и самоотверженнымъ борцомъ за которое всегда была и осталась Элиза Ожешкова.

* * *

Донъ-Кихотъ въ японской литературѣ. Донъ-Кихотъ, представляющій одного изъ трехъ главныхъ героевъ западной литературы, появился въ японской литературѣ въ XII вѣкѣ. Называется онъ «Ужасный Оримитсу».

Лицо это взято изъ жизни. Оримитсу родился въ 947 г. нашей эры, въ самый разгаръ феодализма, въ царствованіе Мураками. Впослѣдствіи, будучи самураемъ, онъ воевалъ.

Онъ надѣлалъ много шума и освободилъ область Кіото отъ банды разбойниковъ. Феодализмъ японцевъ очень походилъ на западный феодализмъ; самурай былъ рыцаремъ. Начальники племенъ воевали между собой. Разбойники пользовались этимъ для грабежа и убійствъ. Противъ нихъ и выступилъ Оримитсу. Умеръ онъ своей смертью въ 1021 г., семидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду. «Доказавъ этимъ,—говоритъ преданіе,—что геройство поддерживаетъ здоровье».

Вскорѣ народъ и писатели воспользовались образомъ Оримитсу и, чтобы высмѣять воинственный духъ и чрезмѣрную любовь къ славѣ у самураевъ, они передѣляли его по своему, перемѣшавъ въ немъ великодушіе съ грубостью. Чтобы посмѣяться надъ его подвигами, они ихъ преувеличили: побѣжденныхъ разбойниковъ они замѣнили духами, оборотнями и привидѣніями.

Онъ очень популяренъ въ Японіи. Какъ и Донъ-Кихотъ, Ужасный Оримитсу нападаетъ на враговъ, которые или скрываются, или вовсе не существуютъ. Онъ защищаетъ слабыхъ и вѣчно обманутъ. Онъ прилагаетъ страшныя усилія, но дѣла устраиваютъ скорѣе его помощники: Тсуна, Кинтоши, Суемада и Садамиши.

Какъ Донъ-Кихотъ нападаетъ на мельницу, которая кажется ему врагомъ, такъ Оримитсу скачетъ къ облаку, которое дѣлаетъ знаки сверхъестественнымъ врагамъ. Ничто не останавливаетъ и не пугаетъ его въ преслѣдованіи злыхъ духовъ, даже то, что они постоянно возрождаются.

Это видно въ одномъ изъ самыхъ курьезныхъ эпизодовъ романа «Ужасный Оримитсу».

Однажды, когда достойный Оримитсу и его вѣрный слуга Тсуна ѣхали верхомъ черезъ долины Рендаи, ища случая свершить подвигъ и добыть новую славу, они замѣтили передъ собою на голубомъ горизонтѣ бѣлое облако... И при видѣ его закипѣла ихъ кровь, и мозгъ загорѣлся дивнымъ желаніемъ!

Ибо облако это не было простымъ. Оно было почти кругло. Наверху были у него двѣ дырки, чрезъ которыя просвѣчивало небо, и онѣ были словно глаза. Пониже—другая дыра на мѣстѣ носа. Еще ниже—широкое зазубренное отверстіе, словно ротъ, показывающій зубы.

Оримитсу воскликнулъ:

— Тсуна, что видишь ты на небѣ?

— Мертвую голову!—отвѣтилъ герой-товарищъ.

— Да, ты правъ. Это облако-мертвая голова не обозначаетъ ли для тебя чего-нибудь?

— Оно обозначаетъ, что на землѣ въ этомъ направленіи поселились злые духи, которые распространяютъ въ этомъ краѣ ужасъ и смерть?

— Пойдемъ на нихъ, Тсуна! До сихъ поръ мы побѣждали только людей; возьмемъ же на себя славу уничтоженія лѣшихъ и привидѣній! Впередъ!

Безстрашный Оримитсу пустилъ лошадь въ галопъ, Тсуна послѣдовалъ его примѣру, и громкій топотъ копытъ наполнилъ всю долину; герои неслись въ бой.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды по направленію къ бѣлому облаку, загадочный обликъ котораго продолжалъ усмѣхаться, прибыли они къ старому дому и стали раздумывать, что дѣлать дальше.

Въ отвѣтъ имъ облако стало вдругъ разсѣиваться. Они поняли, что достигли желанной цѣли. Но домишко этотъ показался имъ слишкомъ непрочнымъ, чтобы служить крѣпостью для духовъ и лѣшихъ.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ. Тсуна слѣзъ съ лошади и постучалъ въ дверь.

На порогѣ показалась старуха. Она была вся сморщенная, сторбленная и разбитая и такая дряхлая, что должна была приподнять свои вѣки дрожащими пальцами, чтобы видѣть.

— Я служила въ этомъ домѣ, — сказала она, — пяти поколѣніямъ самураевъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ родъ ихъ прекратился, и я живу здѣсь одна среди этихъ старыхъ стѣнъ, которыя, можетъ быть, рухнутъ прежде меня. Потому что каждую ночь цѣлыя скопища домовыхъ и лѣшихъ колотятъ по нимъ что есть силы...

— Тсуна, — сказалъ Оримитсу, не слушая больше старуху, — вотъ наше поле сраженія. Спите мирно, добрая женщина! Мы освободимъ это мѣсто отъ невидимыхъ разбойниковъ.

Оримитсу не зналъ еще, какъ взяться за дѣло, но въ успѣхѣ не сомнѣвался!

Лошадей помѣстили въ самой разрушенной части зданія. Оба героя устроились въ единственной комнатѣ съ кое-какъ держащимися стѣнами. Они долго бесѣдовали о великой славѣ, которую имъ предстояло немедленно стяжать; они уже представляли себѣ свой триумфальный въѣздъ въ городъ и въ императорскій дворецъ, гдѣ ужъ будетъ извѣстно о ихъ побѣдѣ надъ такимъ необыкновеннымъ врагомъ.

Во время этого пріятнаго и продолжительнаго разговора наступила ночь. Они посмотрѣли на небо, но не увидѣли темной лазури; весь сводъ небесный точно пропалъ куда-то; будто даже и пространства больше не существовало. Мракъ наполнилъ и давилъ все. Вскорѣ поднялся свирѣпый вѣтеръ. Хлынулъ потоками дождь. Оримитсу и храбрый Тсуна заперлись въ своей комнатѣ, ожидая нападенія злыхъ духовъ. Они горѣли нетерпѣніемъ услышать ихъ, побѣдить... но какъ?.. Если бы враги являлись въ видѣ оборотней, то ихъ можно было бы видѣть; но вѣдь здѣсь были преимущественно духи... Тѣмъ не менѣе, оба героя не выпускали своихъ шпагъ.

Но вотъ раздался грохотъ барабана и слился съ шумомъ бури. Затѣмъ новый раскатъ, и чрезъ нѣсколько мгновеній трудно было рѣшить, буря ли гремѣла, какъ барабанъ, или безчисленное множество барабановъ грохотало, какъ буря.

Но войны различили еще новый шумъ; словно полетъ крыльевъ, хлопающихъ, какъ паруса, которые полощеть вѣтеръ. Отъ времени до времени дверь дрожала, и герои слышали голосъ съ другой стороны:

— Мы—армія привидѣній, толпа оборотней, хороводецъ скелетовъ, шайка удушенныхъ! Выходите же изъ вашего убѣжища и выступайте противъ насъ, если осмѣлитесь!

Пылкій Оримитсу прыгнулъ къ двери, открылъ ее... но не увидѣлъ ровно ничего; вдали слышался замирающій грохотъ барабановъ и цѣлые струи дождя плескались ему въ лицо.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на нѣсколько вызововъ духовъ, онъ рѣшился остаться въ своемъ пріютѣ и только съ бѣшенствомъ прислушивался, какъ лукавыя привидѣнія рычали, визжали и рыдали вокругъ дома.

Вдругъ, откуда ни возмись, появился передъ Оримитсу и Тсуной отвратительнаго вида злой духъ. Онъ былъ маленькій, но съ огромной головой, вчетверо больше всего туловища; лицо его напоминало бѣлое облако, видѣнное путешественниками, и очень походило на мертвую голову. Уродливый духъ былъ одѣтъ въ бѣлое развѣвающееся платье. У него были очень длинныя руки, которыя безобразно волочились по землѣ.

Эта странность особенно поразила Оримитсу. Онъ выхватилъ свою саблю и ударилъ, чтобы отрубить эти противныя руки, но оружіе не нанесло духу никакого вреда; руки его были изъ пакли и онъ только хохоталъ.

Взбѣшенный Оримитсу очертилъ кругъ и бросился, чтобы отрубить духу голову. Но тотъ, заливаясь смѣхомъ, исчезъ совершенно, и только голова его висѣла еще нѣсколько времени въ воздухѣ въ видѣ бѣлаго облака, которое скоро разсѣялось.

Злоба Оримитсу увеличивалась по мѣрѣ того, какъ онъ понималъ, что его обычное оружіе совершенно непригодно для борьбы съ такимъ врагомъ. Но вотъ наступило утро, небо поблѣднѣло, барабаны неувязной арміи духовъ тихо замирали вдали, и Тсуна сказалъ своему хозяину:

— Господинъ, настаетъ день, и вамъ необходимъ отдыхъ!

Оримитсу повѣрилъ на слово своему вѣрному Тсунѣ: онъ растянулся на землѣ и положилъ рядомъ съ собою свою славную саблю.

Но едва онъ успѣлъ заснуть, какъ вдругъ среди комнаты появилась женщина такой дивной красоты, что ей позавидовала бы нарождающаяся заря. Тсуна любовался ею наяву, а Оримитсу видѣлъ ее во снѣ и во снѣ звалъ ее. Она производила надъ его головой граціозныя движенія, и Тсуна смотрѣлъ на нее разиня ротъ, такъ ему нравилась эта картина.

Вдругъ красавица превратилась въ гигантскаго паука; а въ воздухѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ она простирала свои руки, показались тысячи нитей, сплетенныхъ въ паутину, которая почти покрыла спящаго Оримитсу.

Тсуна вскочилъ, разрубилъ нити, растолкалъ своего господина. Тотъ проснулся, сердясь, что ушелъ отъ такого прекраснаго сна...

Но вотъ онъ видитъ страшнаго паука, онъ вскакиваетъ, хватается саблю—онъ понимаетъ превращеніе и, чтобы отомстить за то, что не сбылось счастье минувшаго сна, онъ ударилъ паука въ круглый сѣрый животъ.

Паукъ убѣжалъ, продавивъ дверь находу; оба героя преслѣдовали

его. Паукъ бѣжитъ скорѣе ихъ, но кровавый слѣдъ приводитъ ихъ прямо къ берлогу чудовища. Оно лежало уже тамъ на цѣлой грудѣ человѣчьихъ костей. Изъ его широко зіяющей раны все выпадали черепа, черепа безъ конца, столько оно заколдовало и пожрало разныхъ людей: и крестьянъ, и героевъ-самураевъ, обманутыхъ тѣмъ же навожденіемъ, сброшенныхъ въ ту же пропасть, раздѣлившихъ ту же судьбу...

Паукъ корчитъ свои мерзкія лапы, которыя только-что были такими дивными руками. Онъ страдаетъ!.. Онъ страдаетъ все сильнѣе!.. Онъ умираетъ!

И вотъ солнце выплыло надъ горизонтомъ. Всѣ птицы всѣхъ гнѣздъ запѣли хоромъ свой утренній гимнъ. Пѣтухи привѣтствуютъ день. И когда Оримитсу и Тсуна вышли изъ пещеры, весь міръ представлялся имъ въ самомъ обыкновенномъ видѣ.

Но они тщетно искали старуху, пригласившую ихъ на ночь. Она исчезла. Они не могли себѣ объяснить этого, но не слишкомъ жалѣли объ ея отсутствіи. Оримитсу жалѣлъ только прекрасную грезу своего сна!..

— Тсуна, — воскликнулъ Оримитсу, не любившій долго размышлять, — мы вѣдь не для того предприняли походъ, чтобы убить паука, несмотря на то, что, можетъ быть, только у насъ однихъ хватило мужества, чтобы напасть на него, и силы, чтобы истребить. Не было ли нашей цѣлью побѣдить злыхъ духовъ, которые наполняютъ горы Тамба, опустошаютъ поля, грабятъ путниковъ и похищаютъ молодыхъ женщинъ у самыхъ стѣнъ столицы?

— Непобѣдимый самурай, таковъ былъ дѣйствительно вашъ планъ, — согласился Тсуна, — уничтожить самому сверхъестественныхъ разбойниковъ Тамбы, злыхъ лѣшихъ-грабителей и злыхъ духовъ тонговъ, съ руками, кончающимися когтями коршуна, и съ крыльями на мохнатыхъ бокахъ, чтобы укрываться отъ ударовъ нашихъ сабель.

— Я покорю ихъ, говорю тебѣ! Ты не долженъ сомнѣваться! Ыдемъ!

Они пошли за лошадьми, которыя дрались между собой отъ голода. Тсуна вывелъ ихъ на воздухъ. Онѣ съ жадностью принялись за прибитую дождемъ траву (стоптанную скелетами, какъ говорилъ Оримитсу, хотя они, можетъ быть, и не ходили пѣшкомъ, такъ какъ Оримитсу ничего не могъ видѣть).

Когда лошади наѣлись, герои вскочили на нихъ и пустились галопомъ къ горамъ Тамбы.

Когда они приблизились къ нимъ, Тсуна сказалъ спокойно:

— Достойный самурай, спрячьте вашу славу, которая обращаетъ въ бѣгство злыхъ духовъ. Притворитесь пилигримомъ, и вы сможете приблизиться и истребить ихъ.

На опушкѣ лѣса повстрѣчали они добраго генія, который, возмущаясь злодѣйствами злыхъ духовъ, указалъ пилигримамъ подземелье, служившее убѣжищемъ разбойникамъ.

Вскорѣ наши пилигримы доѣхали до ручья, на берегу котораго женщина, прекрасная, какъ золотое сіяніе полной луны, мыла окровавленное бѣлье.

— Откуда это бѣлье? Отчего оно въ крови? — громко воскликнулъ Оримитсу.

Тсуна дернулъ его за длинный рукавъ, чтобы дать ему понять, что тонъ этотъ совсѣмъ не подходитъ къ буддѣйскому паломнику.

— Это бѣлье запачкано кровью лѣшихъ, — сказала красавица.

— Кровью лѣшихъ? Развѣ кто-нибудь побѣдилъ ихъ? — заворчалъ Оримитсу, думая, что, можетъ быть, какой-нибудь другой самурай похитилъ у него славу.

Прекрасная женщина, стиравшая для лѣшихъ, думала, что онъ негодуетъ при мысли о ихъ пораженіи; она вообразила, что путники были ихъ сообщниками, потому что многимъ темнымъ дѣламъ научались разбойники отъ пилигримовъ.

Она отвѣтила:

— Нѣсколько дней тому назадъ лѣшіе притащили богатую добычу. Съ тѣхъ поръ они пьянствуютъ, дерутся и рвангъ другъ друга. Вы сами увидите. Идите вдоль ручья, сосчитайте триста шаговъ, и вы найдете входъ въ пещеру.

Они нашли и вошли. Лѣшіе были пьяны, но отплясывали. Другая женщина, еще красивѣе той, что была у ручья, играла и пѣла пѣсни, въ тактъ которымъ тяжело кружились лѣшіе. Ихъ рогатыя головы падали на мохнатую грудь. Они дремали на ногахъ. Тонга, сцѣпившись ногтями, кружились въ пьяномъ хороводѣ. Нѣкоторые изъ нихъ пробовали хлопать крыльями, но крылья тяжело опускались и падали. Многие старались кружиться, но уже не могли поднять ногъ и оставались прикованными къ мѣсту.

Оримитсу не могъ допустить мысли о томъ, чтобъ истребить врага соннаго. Онъ напалъ на нихъ. Онъ узналъ ихъ начальника и отрубилъ ему голову такъ быстро, что чудовище еще продолжало нѣкоторое время отплясывать съ головой на плечахъ. Когда она свалилась на полъ, всѣ лѣшіе подумали, что это измѣна одного изъ нихъ. Не объясняя себѣ причины, они переколотили другъ друга до смерти. Это заблужденіе очень облегчило труды Оримитсу. Благодаря этому, онъ сдѣлалъ изъ нихъ тѣсто. Онъ колотилъ ихъ другъ о друга. Не довѣряя этимъ живучимъ существамъ, онъ ихъ снова рубилъ, точно ихъ надо было убивать по два раза. Никто изъ нихъ не уцѣлѣлъ.

Оримитсу взялъ въ плѣнъ двухъ красавицъ и вмѣстѣ съ Тсуной свершилъ торжественный въѣздъ въ столицу императора, въ Кіото.

* *

Елизавета Броунингъ. Въ мартовской книжкѣ «Revue Hebdomadaire» помѣщена статья г-жи Феликсъ Форъ (дочери бывшаго президента республики), посвященная памяти англійской поэтессы Елизаветы Броунингъ; статья написана по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія этой поэтессы, мало извѣстной въ Россіи, но считающейся въ Англии «Альбіонской Сафо».

Во Флоренціи, пишетъ г-жа Форъ, надъ тосканскими кипарисами, напоминающими картины Анжелико, выступаетъ мраморный мавзолей, съ выгравированными на немъ тремя буквами: Е. Б. Б. Та, чей прахъ покоится тамъ, родилась сто лѣтъ тому назадъ, въ мартѣ 1806 года, въ Дюргамѣ.

Она была существомъ обездоленнымъ и затѣмъ превознесеннымъ. Отъ Елизаветы Броунингъ остались портреты: сверкающіе глаза на неправильномъ лицѣ, обрамленномъ поэтичными локонами; руки, ноги, фигурка маленькой феи и наполняющая все ея существо нѣжная и лукавая грація креолки.